

СОФИ КАСТАЛИЯ

СИНДРОМ СПАСЕНИЯ

*В доме, где правят жестокость и молчание,
её сострадание станет самым опасным оружием.*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Софи Касталия

Синдром спасения

«Автор»

2026

Касталия С.

Синдром спасения / С. Касталия — «Автор», 2026

МИРАНДАЯ всю жизнь пыталась спасти других. Мать, которая годами позволяла отцу разрушать её жизнь. Тех, кто никогда не просил о помощи, но почему-то всегда находил её во мне. А потом я впервые решила спасти себя. Я оставила работу, дом, прошлую жизнь и уехала туда, куда мечтала попасть - к океану. Мне хотелось начать всё сначала: найти работу, обрести свой дом и наконец почувствовать, что моя жизнь принадлежит мне. Но я не знала, что новая жизнь окажется совсем не такой, какой я её представляла. АЧИЛЬЯ старший сын своего отца. В нашей семье этого достаточно, чтобы понимать своё место. Я знаю, что обо мне говорят. Знаю, что люди замолкают, когда я вхожу в комнату. Меня называют его правой рукой. Человеком, который решает вопросы, о которых лучше не спрашивать. Я привык к чужому страху, тишине и слухам. В городе знают моё имя, мою семью и что за стенами нашего дома лучше не искать ответов. Но никто не знает всей правды. И я собираюсь сделать всё, чтобы так оставалось и дальше.

© Касталия С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Миранда	5
Глава 2	12
Миранда	12
Глава 3	15
Миранда	15
Глава 4	18
Миранда	18
Глава 5	21
Миранда	21
Глава 6	23
Миранда	23
Г	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Софи Касталия

Синдром спасения

Глава 1

Миранда

Солнце догорало яркими красками и отлетало искрами от водной глади океана. Под ногами ощущалось тепло песка, накалившегося за целый знойный день. Легкий ветер обдувал лицо и ощущалась вечерняя прохлада от воды. Момент блаженства меня поглотил, я была уверена, что нахожусь в лучшем месте на земле в самый лучший момент моей жизни.

Мое внимание от заката отвлек голос позади:

— Миранда!

Я обернулась и увидела вдалеке незнакомого мужчину, который махал мне рукой. В недоумении я смотрела, как он бежит по белоснежному песку, продолжая выкрикивать мое имя:

— Миранда! Миранда, проснись!

Я резко поёжилась от внезапного холода. Мне стало не по себе. Обернувшись, я снова взглянула на океан, но от заката не осталось и следа. Налетели черные тучи, поднялись огромные волны. Я попыталась убежать с пляжа, как вдруг меня накрыла гигантская толща воды и утащила вглубь. Холодно. До меня продолжал доноситься зовущий голос, но теперь он стал женским:

— Миранда!

Я резко вздохнула и открыла глаза. Лицо было мокрым, а из раскрытого окна доносился шквалистый ветер, который грозился снести всё на своем пути. Холодно. Лишь через секунду я заметила свою коллегу Лиззи. Она недовольно смотрела на меня, держа в руке пустой стакан. Поставив его на стол, Лиззи подошла закрыть окно, продолжая бормотать себе под нос. «Как можно так крепко спать на рабочем месте», — только и доносилось до меня. Расправившись со створками, она наконец повернулась ко мне:

— Я не могла тебя докричаться! Пришлось даже воду выплеснуть! Вытрись и вставай, уже шесть утра. Наша смена кончилась, пора домой.

Она еще раз бросила на меня злобный взгляд и вышла из ординаторской. И чем я ей так не угодила? Я поморщилась от ноющей боли в шее: уснула прямо за столом, заполняя документацию. Какое неудобное место для сна и какой прекрасный сон...

Я осмотрелась. Потрепанный диван с дежурным пледом, который не стирался года два; тусклый свет настольной лампы, обшарпанный пол, который давно пора заменить. Контраст между этим убогим местом и райским пляжем из моего видения оказался глубоким, как Марианская впадина. Я снова поморщилась — то ли от холода, то ли от отвращения к собственной жизни.

Пора домой. Не то чтобы я стремилась туда попасть, но идти больше некуда, а я смертельно устала после двух смен в больнице. Лениво потянувшись, я начала собирать вещи, мысленно обдумывая, как побыстрее добраться до постели и не попасть под сильный ливень, который, судя по всему, уже надвигался.

Выйдя в коридор, я огляделась. Вокруг не было ни души. Возможно, мне удастся покинуть это злосчастное учреждение, не пересекаясь ни с кем из моих горячо «любимых» коллег. Но, завернув за угол, я поняла, что мне, как обычно, не повезло. Возле входа стояла старшая

медсестра Мэддисон и курила сигарету. Вообще-то в здании это запрещено, но у нее были свои привилегии.

Глубоко выдохнув, я шагнула к выходу, стараясь нацепить самую доброжелательную улыбку и ретироваться как можно скорее. Быстро кивнув старшей коллеге, я уже готова была броситься бежать, но она успела меня окликнуть:

— Миранда, можно тебя на минутку? — она натянула самую фальшивую улыбку из всех, что мне доводилось видеть.

Я молча остановилась перед ней в ожидании очередного выговора.

— Лиззи сообщила, что застала тебя спящей за рабочим столом, — Мэддисон нарочито сделала паузу, выдыхая облако сигаретного дыма прямо мне в лицо. — Разве ты успела закончить со всем тем, что мы обсуждали вчера днем?

Интересно, она намеренно не уточняет, что я должна была доделать её работу? Я мысленно послала её в очень далекое путешествие, но вслух лишь коротко ответила, вежливо кивнув:

— Да, как мы и договаривались, всё заполнено от руки, сложено в алфавитном порядке и по годам. Стопка осталась на столе в ординаторской, можете забрать.

Она лишь скривила губы:

— Странно, я была там пять минут назад и никакой стопки не обнаружила — только разбросанную кипу бумаг. Знаешь, Миранда, врать очень нехорошо. А не выполнять поручения старших — ещё хуже.

Я потеряла дар речи. Я точно знала, что она лжет, ведь уходя, я аккуратно сложила все документы. Но зачем ей это нужно? Решив в кои-то веки отстоять себя, я спокойно, не повышая тона, сказала:

— Вы точно в этом уверены? Там всё на месте, в том виде, в каком я оставляла. Пойдемте проверим вместе, раз на то пошло.

Она молча затушила сигарету о стену больницы и распахнула передо мной дверь, приглашая войти. Я быстро прошла по коридору напрямик в ординаторскую и толкнула створку. Окно было раскрыто настежь, а результаты моего многочасового труда устилали пол.

Я застыла в ступоре, наблюдая, как всё пошло насмарку. Мне захотелось выть от отчаяния! Окно точно было закрыто, когда я проснулась. Кто-то распахнул его намеренно. Лиззи. Я была уверена, что это её рук дело. Её неприязнь ко мне вспыхнула с моего первого рабочего дня. Я пыталась наладить контакт, но тщетно: Лиззи продолжала смотреть на меня так, будто я съела последний кусок яблочного пирога на День Благодарения. Но её зависть переросла в яростную ненависть после того, как доктор Джонсон начал проявлять ко мне знаки внимания и приглашать на свидания прямо при ней. Она явно была к нему равнодушна и на фоне ревности стала строить мне козни — мелкие, но очень неприятные. Я сразу отклоняла ухаживания доктора, но он, в свою очередь, распустил слухи, будто я не раз ходила с ним в мотель после работы. Мерзавец. Весь персонал больницы быстро принял это за чистую монету, и со мной перестали общаться все медсестры, приписав мне статус девушки легкого поведения. В какой-то момент я поняла, что это даже к лучшему — не нужно тратить энергию на пустую болтовню во время перерывов. Очень надеюсь, что доктор Джонсон и Лиззи по итогу окажутся вместе. Они идеально подходят друг другу.

Из размышлений меня выдернул голос Мэддисон:

— Что-то я не наблюдаю стопку бумаг на столе. Будь добра, покажи мне её.

Я злобно сжала кулаки, чтобы не ударить её злорадствующее лицо. Она приняла мое молчание за поражение и продолжила:

— Знаешь, Миранда, стоит признавать свою вину вовремя. Если бы ты изначально сказала правду, последствия были бы другими. Но теперь я вынуждена оштрафовать тебя за неподчинение и наглое вранье. В этом месяце тебе придется обойтись без премии.

Злость накрыла меня с головой, и я молча вылетела из ординаторской, направляясь на улицу. Хотелось побыстрее уйти от этого места как можно дальше! Как только я отошла на пару сотен метров от больницы, с неведомой силой хлынул дождь. Потоки воды ощущались как уколы тысячи пчел одновременно — капли были крупными и ледяными. Ситуацию усугублял резкий ветер, дувший прямо в лицо. Я промокла до нитки за считанные секунды и промерзла до костей. Сейчас точно июнь? Я начала в этом сильно сомневаться.

Собрав остатки сил после двух ночных смен и используя неугасающий гнев на Мэддисон, Лиззи, доктора Джонсона и на саму жизнь, я помчалась через парковку напрямик к своей «старушке». Пospешно достав ключи из сумки, я прыгнула на водительское сиденье. Продолжая трястись от холода, вставила ключ в зажигание и провернула его. Машина натужно чихнула, но двигатель не завелся. Затаив дыхание, я попробовала еще раз, и еще, и еще, пока окончательно не осознала масштаб катастрофы.

Я откинулась на спинку сиденья и громко закричала — кричала до тех пор, пока не осип голос. Во мне горел гнев, который постепенно заглушали беспомощность и жалость к самой себе. Дав себе минутку на слабость, я взяла себя в руки и открыла приложение такси. Мне просто нужно добраться до дома и поспать. Хуже этот день уже стать не может. Проверив тариф, я с замиранием сердца заглянула в банковский счет. Там было пятнадцать долларов. А на поездку требовалось тринадцать. Черт. Деваться некуда, не идти же пешком десять километров под проливным дождем. Об отсутствии денег я подумаю после того, как окажусь в постели и хорошенько выплусь.

Вызвав машину, я выбралась на улицу и встала у обочины, подставляя лицо каплям. Терять уже нечего, я и так вымокла до нитки. Через пару минут в темноте показался свет фар. Подъехал. Я быстро забралась на заднее сиденье и молча уставилась в окно. Странно, но в этот момент в голове не было ни одной мысли. Я так сильно устала от бесконечной череды неурядиц, которая тянулась с пяти лет, когда нас бросил отец, оставив огромные долги из-за азартных игр. Из забытья меня выдернул голос водителя. Я не сразу поняла, что он сказал, поэтому переспросила:

— Простите, я задумалась. Вы что-то сказали?

Глядя в зеркало заднего вида, он добродушно улыбнулся. На вид ему было около шестидесяти: в волосах хватало седины, но глаза еще сверкали огнем жизни, будто ему едва исполнилось двадцать. Как можно сохранить эту искру в нашем богом забытом городке, да еще в такую погоду? Мое сердце пронзила зависть, и я поморщилась от этого чувства.

— Вы выглядите очень подавленной. Плохой день? — с сочувствием в голосе и беззаботной улыбкой поинтересовался он.

Я не знала, что ответить. Не хватит слов, чтобы выразить всё то негодование, которое скопилось во мне за почти двадцать пять лет жизни на этой планете. Плохой день? Да нет, в целом плохая жизнь. Но не стану же я изливать душу незнакомому мужчине, которого вижу впервые и, скорее всего, в последний раз. Кстати говоря, я его раньше в наших краях не встречала. У нас крошечный городок, где каждый знает друг друга если не по имени, то хотя бы в лицо. Поняв, что молчание затянулось, я ответила расплывчато:

— Да, можно и так сказать.

Я откинулась на сиденье и закрыла глаза, давая понять, что разговор продолжать не хочу. Водитель, видимо, всё понял и не стал донимать меня расспросами.

Когда я снова открыла глаза, мы уже въезжали в район потрепанных трейлеров. Не самое благополучное место, но мы перебрались сюда с тех пор, как пришлось продать наш скромный домик, чтобы закрыть часть папиных долгов. На остаток удалось приобрести маленький, хлипкий трейлер на предпоследней улице.

Таксист неожиданно заговорил снова. Я думала, наша поездка продолжится в молчании до самого конца, но ошиблась.

— Знаете, иногда в жизни всё складывается так, будто Бог над вами глумится и посылает новые трудности, изливая свой гнев. Но он делает это не из ненависти, а из любви к вам, — произнес он с абсолютной уверенностью, улыбаясь собственным мыслям.

Я не поверила своим ушам, челюсть буквально отвисла от шока.

— Из любви? Вы сейчас смеетесь надо мной? — из меня вырвался короткий истерический смешок.

Он с улыбкой посмотрел на меня через зеркало:

— Конечно! Он готовит вас к чему-то прекрасному. После самой затяжной грозы обязательно выглянут радуга и солнце. Просто, возможно, вы сейчас находитесь не там, где должны быть. Те события, через которые вы проходите, обязательно выведут вас к лучшей жизни.

Автомобиль остановился возле заросшего газона и покосившегося стула у нашего трейлера. Обернувшись ко мне, мужчина улыбнулся во все зубы и указал на окно. Я недоверчиво оглянулась и замерла: небо прорезала радуга. Это была самая яркая и красивая радуга, которую мне доводилось видеть в жизни.

Я, словно в трансе, вышла из машины, на автомате поблагодарив водителя, и застыла на обочине, любуясь небесным мостом. Я даже не заметила, как закончился дождь. Выдохнув, я подумала, что таксист — какой-то чудаки, возможно, из местной секты. Но его добродушие зацепило. Редко встретишь в этих местах настолько искреннего человека.

Я сосчитала до трех, как и всегда перед принятием сложного решения, и отворила дверь дома.

- Миранда!

Я обернулась и увидела вдалеке незнакомого мне мужчину, который махал мне рукой. Я продолжала в недоумении смотреть, как он бежит ко мне по белоснежному песку, продолжая выкрикивать моё имя:

-Миранда! Миранда, проснись!

Я резко поёжилась от внезапного холода. Мне стало не по себе, и я обернулась, взглянув на океан. От заката не осталось и следа. Налетели черны тучи, поднялись огромные волны. Я начала убегать с пляжа, как вдруг меня накрыла огромная волна и утащила вглубь океана. Холодно. Продолжал доноситься голос, зовущий меня, но уже женский:

-Миранда!

Я резко вздохнула и открыла глаза. Моё лицо было мокрым, а из открытого окна доносился шквалистый ветер, который грозился снести все на своем пути. Холодно. Я не сразу заметила мою коллегу Лиззи. Она недовольно смотрела на меня, держа в руке пустой стакан с водой. Поставив стакан на стол рядом со мной, она подошла закрыть окно, продолжая бормотать себе под нос «как можно так крепко спать на рабочем месте» только и доносилось до меня. Расправившись с окном, она наконец повернулась и обратилась ко мне:

-Я не могла тебя разбудить! Пришлось на тебя даже воду выплеснуть! Вытрись и вставай, уже шесть утра, наша смена кончилась, пора домой.

Она еще раз бросила на меня злостный взгляд и вышла из ординаторской. И чем я ей так не угодила? Я поморщилась от ноющей боли в шеи. Я уснула на рабочем столе, заполняя документацию. Какое неудобное место для сна и какой прекрасный сон. Я осмотрела атмосферу вокруг. Потрепанный диван с дежурным пледом, который не стирался года два. Тусклый свет лампы на столе освещал обшарпанный пол, который давно уже пора заменить и сам стол, за которым я работала, пока не окуналась в мир грез. Контраст с этим убогим местом и райским пляжем из моего сна был очень глубоким, как Марианская впадина. Я еще раз поморщилась то ли от холода, то ли от отвращения к своей жизни.

Пора домой. Не то чтобы я стремилась туда попасть, но идти больше некуда и я очень устала после двух смен в больнице. Лениво потянувшись, я начала собирать свои вещи, мыс-

ленно обдумывая как мне побыстрее добраться до дома и не попасть под ливень, который, судя по всему, надвигается очень сильный.

Собравшись, я вышла в коридор и оглядела пространство. В коридоре не было людей, возможно, мне удастся покинуть это несчастное место не с кем, не пересекаясь из моих горячо «любимых» коллег. Завернув за угол, я поняла, что мне как обычно не повезло. Возле входа в больницу стояла старшая мед сестра Мэддисон и курила сигарету. Вообще это запрещено, но у нее были свои привилегии в этом вопросе.

Глубоко выдохнув, я вышла из больницы и постаралась улыбнуться своей самой доброжелательной улыбкой и ретироваться как можно скорее. Быстро кивнув старшей коллеге, я уже готова была броситься бежать, но она успела меня окликнуть:

– Миранда, можно тебя на минутку? – она улыбнулась мне своей самой фальшивой улыбкой из всех, которые когда-либо мне удостоилось видеть.

Я молча встала перед ней в ожидании того, что же она скажет мне на этот раз.

– Лиззи мне сообщила, что застала тебя спящей за рабочим столом. – Она нарочито сделала паузу выдыхая облако сигаретного дыма прямо мне в лицо. – Разве ты успела закончить со всем тем, что мы обсуждали вчера днем?

Интересно, она намеренно не уточняет, что я должна была доделать её работу? Я мысленно послала её в очень далекое путешествие, но в лицо только лишь улыбнулась и коротко кивнула:

– Да, как мы и договаривались всё заполнено от руки, сложено в алфавитном и в хронологическом порядке по годам. Я оставила стопку на столе в ординаторской, можете там забрать.

Она лишь скривила губы и выдала то, чего я точно не ожидала:

– Странно, я там была пять минут назад и никакой стопки не обнаружила, только разбросанную по столу кипу бумаг. Знаешь, Миранда, врать очень нехорошо. А не выполнять поручения старших ещё хуже.

Я потеряла дар речи. Я знаю, что она врет, ведь уходя, я точно оставляла стопку документов на столе. Но зачем ей это нужно? Я решила в кои-то веки отстоять себя и не повышая тона спокойно сказала:

– Вы точно в этом уверены? Я знаю, что там всё на месте, в том виде, в котором я оставляла. Пойдёмте вместе проверим, раз на то пошло.

Она молча затушила сигарету об стенку больницы и открыла передо мной дверь в молчаливом приглашении войти. Я быстро прошла по коридору напрямик в ординаторскую и открыла дверь. Окно было полностью раскрыто и все документы были разбросаны по полу.

Я молча в ступоре наблюдала полёт моего многочасового труда насмарку и мне захотелось выть от отчаяния! Окно точно было закрыто, когда я уходила. Кто-то сделал это намеренно. Лиззи. Я уверена, что это была она. Её неприязнь ко мне вспыхнула с моего первого рабочего дня. Я пыталась наладить контакт, но все было тщетно. Лиззи продолжала смотреть на меня так, как будто я съела последний кусок яблочного пирога на День Благодарения. Но ее неприязнь переросла в яростную ненависть после того, как доктор Джонсон начал проявлять ко мне знаки внимания и приглашать на свидания прямо перед ней. Она явно была к нему равнодушна и на фоне ревности она стала строить мне козни. Мелкие, но очень неприятные. Во всяком случае, я сразу отклоняла все ухаживания доктора в мою сторону, но он в свою очередь распускал слухи, что я ходила сним в мотель после работы и не раз. Мерзавец. Весь персонал больницы быстро воспринял это за чистую монету и со мной перестали общаться все мед сестры, приписав мне статус девушки легкого поведения. В моменте, я поняла, что это не так уж и плохо, не нужно тратить энергию на ненужную болтовню с коллегами во время перерыва. Я очень надеюсь, что доктор Джонсон и Лиззи окажутся по итогу вместе. Они идеально подходят друг другу.

Из моих размышлений меня выдернул голос Мэддисон:

-Что-то я не наблюдаю стопку бумаг на столе. Будь добра показать мне её.

Я злостно сжала кулаки, чтобы не ударить её злорадствующее лицо. Она приняла моё молчание за поражение и продолжила:

- Знаешь, Миранда, тебе стоит признавать свою вину вовремя. Если бы ты изначально сказала правду, то последствия были бы другие. Но теперь я вынуждена оштрафовать тебя за неподчинения и наглую враньё. В этом месяце тебе придется обойтись без премии.

Злость накрыла меня с головой, и я молча вышла из ординаторской, направляясь на улицу. Хочу побыстрее уйти от этого места как можно дальше! Как только я отошла двести метров от выхода из больницы, то с неведомой силой хлынул дождь с такой мощью, что это ощущалось как ужаление тысячи пчел одновременно. Капли были крупные и очень холодные. Делу не помогал и сильный ветер, который дул мне прямо в лицо. Я промокла до нитки за считанные секунды и промерзла до костей. Сейчас точно июнь? Я начинаю в этом сильно сомневаться.

Собрав остатки сил после двух ночных смен в больнице и использовав неугасающий гнев на Мэддисон, Лиззи, доктора Джонсона и на саму жизнь я помчалась через всю парковку напрямик к своей старушке. Поспешно достав ключи от машины из сумки, я быстро запрыгнула на водительское сидение. Продолжая трястись от холода, я вставила ключ в зажигание и провернула его. Старушка постаралась завестись, но ничего не вышло. Затаив дыхание я попробовала еще раз, и ещё, и ещё, пока окончательно не осознала весь масштаб катастрофы.

Я откинулась на спинку сидения и громко закричала, кричала так сильно, пока не осип голос. Во мне горел гнев, но его постепенно заглушала моя беспомощность и жалость к самой себе. Дав себе минутку на слабость, я взяла себя в руки и открыла приложения убера. Мне просто нужно добраться домой и поспать. Хуже этот день уже ничего не сделает. Проверив тариф до дома, я с затаенным дыханием открыла проверить свой банковский счет. Там было пятнадцать долларов. На такси нужно будет потратить тринадцать. Черт. Деваться некуда, не идти же мне пешком до дома десять километров под проливным дождем. Про отсутствие денег я подумаю после того, как окажусь дома и хорошенько выплюсь.

Вызвав такси, я выбралась из машины и встала у обочины подставляя лицо дождю. Терять уже нечего, я и так вымокла до нитки. Через пару минут я увидела свет фар на дороге, подъехал. Я быстро забралась на заднее сидение и молча уставилась в окно. Странно, но в этот момент в голове не было не одной мысли. Я так сильно устала от череды неурядиц в моей жизни, начиная с пяти лет, когда нас бросил отец с огромными долгами от его азартных игр и заканчивая сегодняшним днем. Из забытия меня выдернул голос водителя, я не сразу поняла, что он сказал, поэтому переспросила:

-Простите, я задумалась. Вы что-то сказали?

Глядя в зеркало заднего вида, он добродушно улыбнулся. На вид ему было около шестидесяти лет, в волосах уже было достаточно седых волос, но глаза ещё сверкали огнем жизни, как будто ему двадцать. Как он может сохранить эту искру в этом маленьком забытом Богом месте в такую-то погоду? Моё сердце пронзила зависть, и я поморщилась от этого чувства.

- Вы выглядите очень подавленной. Плохой день? – с сочувствием в голосе и беззаботной улыбкой поинтересовался он.

Я не знала, что на это ответить. Не хватит слов чтобы выразить всё то негодование, которое скопилось во мне за все мои почти двадцать пять лет жизни на этой планете. Плохой день? Да нет, в целом плохая жизнь. Но не стану же я это говорить незнакомому мужчине, которого вижу впервые в жизни и, скорее всего, последний. Кстати говоря, я его никогда раньше не видела в этих местах. У нас очень маленький городок, где каждый друг друга знает, если не по имени, то хотя бы в лицо. Я поняла, что молчание затянулась и ответила расплывчато:

- Да, можно и так сказать.

Я откинулась на сидение и закрыла глаза, давая понять, что разговор продолжать не хочу. Водитель, видимо, это понял и не стал донимать меня расспросами о моих плохих днях.

Когда я открыла глаза, то увидела, что мы почти приехали, когда въехали в район потрепанных трейлеров. Не самый благополучный район, но мы тут живем с тех пор, как нам пришлось продать наш скромный домик в хорошем районе и закрыть часть папиных долгов. На остаток нам удалось приобрести маленький и хлипкий трейлер на предпоследней улице.

Таксист неожиданно заговорил. Я думала, что наша поездка продолжится в молчании до самого конца, но ошиблась.

- Знаете, иногда в жизни складывается всё так, как будто Бог над вами глумится и посылает все новые и новые трудности, изливая свой гнев на вас. Но он делает так не из ненависти, а из любви к вам. – Он говорил это с такой уверенностью, улыбаясь сам себе.

Я не поверила своим ушам и у меня отвисла челюсть от шока.

- Любви? Вы сейчас смеетесь надо мной? – Из меня вырвался истерический короткий смех.

Он с улыбкой посмотрел на меня в зеркало и с уверенностью произнес:

- Конечно! Он готовит Вас к чему-то прекрасному. После самой затяжной грозы обязательно выглянет радуга и солнце. Просто, возможно, Вы находитесь не там, где должны были быть. Те события, через которые Вы проходите обязательно, Вас выведут к лучшей жизни.

Он остановился возле заросшего газона и покосившегося стула возле нашего трейлера. Обернувшись ко мне, он улыбнулся во все зубы и показал в окно. Я недоверчиво оглянулась и увидела радугу. Это была самая яркая и красивая радуга, которую мне удавалось видеть в своей жизни.

Я как в трансе вышла из такси, поблагодарив водителя за поездку и застыла на обочине любуясь радугой. Я и не заметила, как закончился дождь и выглянула радуга. Выдохнув, я подумала, что таксист какой-то чудаковат, видимо, из какой-то местной секты. Но его добродушность меня зацепила. Редко встретишь в этих местах такого искреннего человека.

Я сосчитала до трех, как и всегда, решаясь переступить порог дома и отварила дверь.

Глава 2

Миранда

Переступив порог, я поморщилась: в нос сразу ударил резкий запах дешевых сигарет и застарелого перегара. О нет, только не это... Сердце заколотилось как сумасшедшее, дыхание сперло, а в глазах потемнело. Окна были плотно зашторены, в помещении царил полумрак, но я и без света знала, что предстанет передо мной, стоит лишь утреннему солнцу осветить мой самый кошмарный сон наяву.

Опустив взгляд, я обнаружила под ногами пустые бутылки из-под дешевого пива и какого-то суррогатного виски. Повсюду были разбросаны окурки, стоял жуткий запах протухшей еды. Я не могла поверить, что наш скромный, но всегда чистый дом окончательно превратился в притон для алкоголиков.

Я застыла посреди крошечной, обшарпанной гостиной, обставленной старой мебелью, которую знакомые пожертвовали нам при переезде тринадцать лет назад. Из ступора меня выдернул слабый, дрожащий голос:

— Милая, ты вернулась? Как прошли твои смены? Ты ела?

Мама стояла в дверном проеме своей спальни. Она куталась в растянутый, выцветший кардиган, наброшенный поверх поношенной ночной рубашки. Растрепанные волосы наполовину закрывали её худое лицо. Я молча подошла к ней и аккуратно убрала пряди в сторону.

Как я и ожидала, на скуле наливался свежий, багровый синяк. Во мне мгновенно вскипела яростная злость. Опять... В этот миг я мечтала лишь об одном — провалиться в небытие и никогда больше не просыпаться. Сдерживаясь изо всех сил, чтобы не сорваться на ультразвук, я спросила:

— Почему? Почему ты снова так поступаешь с нами? Со мной? Просто скажи! — на последней фразе голос всё-таки сорвался на крик, а к глазам подступили слезы, которые я больше всего на свете ненавижу показывать.

Мама испуганно вздрогнула, приложила палец к губам и, жалобно умоляя, потащила меня подальше от двери:

— Прошу, тише! Ты его разбудишь, он только недавно утихомирился...

Она снова испуганно оглянулась через плечо, всматриваясь в темноту спальни. Мне хотелось выть от отчаяния. Мы проходили это не раз и не два! Сколько можно?!

— Мама, зачем ты его сновапустила?! Почему ты продолжаешь это делать? Он последний человек, которого нужно подпускать к нашему дому, к нашей жизни!

Глаза мамы наполнились слезами. Она жалобно схватила меня за руку, умоляюще заглядывая в лицо:

— Он же твой отец. Как я могла не открыть дверь? Он пришел и клялся, что завязал с играми, что теперь всё будет иначе. Я верю ему, и ты помери! В этот раз всё точно изменится. Он нашел работу, наша жизнь наладится. Мы купим хороший дом и наконец переедем из этого проклятого места... — Видя, что её слова не производят на меня никакого впечатления, она добавила: — Прошу, ради нашей семьи... Ради меня.

Я резко выдернула руку из её узловатых пальцев, покрытых мозолями от тяжелого физического труда. Мне было тошно от неё, от себя и от этого места. Я собиралась молча уйти в свою комнату, но мама не останавливалась. Она упала на колени, мертвой хваткой вцепившись в мою ногу:

— Прошу, не уходи, не бросай меня! Ты мне так нужна! — её голос сорвался на глухие рыдания.

От этого зрелища гнев внутри вспыхнул с новой силой.

— Мама! Очнись! Мы проходили это тысячи раз! Он не изменится, я могу тебе это гарантировать! Это подобие мужчины снова проиграло все деньги и приползло к тебе только потому, что ему больше некуда идти! Посмотри на себя... на свое лицо. Не прошло и двух суток, как он тебя ударил!

— Это была случайность! Он не хотел, правда! Прошу, останься... — мамины плечи содрогались от всхлипов.

— И что будет, если я останусь? Ты просто боишься оставаться с ним наедине, я знаю это. Ты прибегала ко мне за защитой, даже когда мне было пять лет, и я была напугана гораздо сильнее твоего! Но теперь мне не пять! Я больше не стану тебя выгораживать и вытаскивать из дерьма, в которое ты сама ныряешь с превеликим удовольствием. Я уйду. Живи как хочешь, но уже без меня!

Я с силой высвободила ногу из её рук и выбежала на улицу. Легкие жадно раскрылись, вбирая свежий воздух. Хотелось быть волком, кричать и крушить всё на своем пути. Я была зла на маму, на отца, но больше всего — на саму себя. За то, что не могу просто бросить всё и наконец начать жить так, как хочу. За то, что продолжаю тащить маму из омуты, из которого она сама отчаянно не желает выбираться.

Вытерев одинокую слезу, я направилась по давно знакомому маршруту сквозь заросшие лужайки соседских трейлеров. Путь занял от силы десять минут, но погруженная в тяжелые мысли, я даже не заметила, как дошла до нужного дома.

Занеся руку над дверью, чтобы постучать, я внезапно помедлила. На часах было неприлично рано для визитов. В детстве я прибегала сюда в любое время дня и ночи, стоило отцу напиться, но сейчас я уже не ребенок, чтобы вот так бесцеремонно вваливаться в чужой дом.

Я опустила руку и уже собиралась развернуться, чтобы бездумно бродить по окрестностям, как вдруг дверь распахнулась. На пороге показалось добродушное лицо миссис Левис. Эта чудесная старушка нашла меня на улице поздно вечером, когда мне было лет семь, и я в очередной раз сбежала из дома после потасовки родителей. Я была босая, грязная, в порванной одежде.

Она подобрала меня, как брошенного котенка: привела к себе, отмыла, накормила и даже сходила к многодетной соседке, чтобы попросить для меня хоть какую-то чистую одежду. В тот день я решила, что миссис Левис — ангел, которого мне послал сам Бог. Впервые в жизни я почувствовала, каково это — иметь любящую бабушку. Моя родная бабушка по материнской линии умерла еще до моего рождения, а с отцовской родней я никогда не желала иметь ничего общего, да и они со мной, если быть откровенной.

С того самого дня я приходила к ней при каждой пьянке отца, а случались они через день. За долгие годы мы стали по-настоящему родными. Ей не хватало внучки, которой у неё никогда не было, а мне — бабушки.

Её радушная, теплая улыбка вмиг вернула меня в детство. Я бросилась к ней в объятия, заливаясь слезами. Миссис Левис молча прижала меня к себе, ласково похлопывая по плечу. Ей не нужно было объяснять причину моего раннего визита и слез — она и так всё прекрасно понимала.

Оторвавшись от её плеча, я улыбнулась сквозь пелену, стоявшую в глазах, и выдавила:

— Я так соскучилась по твоим фирменным печеньям, что примчалась сразу после смены!

Старушка звонко рассмеялась, глядя мне в глаза:

— Так сильно соскучилась, что собиралась уйти прямо с порога? Ты как раз вовремя, они будут готовы через пять минут. Заходи и налей пока чай. Время завтракать.

Шмыгнув носом, я шагнула в дом. Миссис Левис не соврала: по комнатам уже разливался восхитительный аромат свежей выпечки. Как ей всегда удается готовить их ровно к моему

приходу? Я каждый раз задавалась этим вопросом. Отбросив лишние мысли, я направилась на кухню, чтобы заварить чай к завтраку.

Глава 3

Миранда

Здесь мне был знаком каждый уголок, но сейчас, когда я повзрослела, всё вокруг казалось гораздо меньше, чем в детстве. Миновав маленькую, уютную гостиную, я прошла напрямик на кухню. Тут абсолютно ничего не изменилось с моего самого первого визита.

Помещение заливал мягкий солнечный свет, что добавляло особой атмосферы умиротворенному утру. Обстановка была очень простой: недорогая, местами потерянная мебель, которая, впрочем, совсем не портила вид. Особенно мне нравились расставленные повсюду милые безделушки, привезенные миссис Левис и её мужем из многочисленных путешествий.

На плите уже посвистывал дымящийся чайник. Рядом лежало цветастое полотенце с вышивкой, которую я кропотливо выводила иглой, учась в пятом классе, — ужасно боялась не успеть к Рождеству и оставить бабушку без подарка. Взяв его в руки, я невольно улыбнулась тому, как криво была выведена надпись «Бабули от Миранды», и тому, как бережно миссис Левис его хранила.

Достав с полки чашки и фарфоровый заварник со свежими листьями, я направилась в гостиную, где мы обычно пили чай, устроившись в мягких креслах. Сев поудобнее на свое привычное место, я принялась разглядывать фотографии на стене. Ими была занавешена почти вся комната: черно-белые и цветные, они запечатлели знойные пустыни и холодные ледники со всех уголков планеты. Множество раз в детстве, рассматривая эти кадры, я представляла, будто нахожусь внутри них.

Блуждая взглядом по стене, я неожиданно наткнулась на пейзаж, от которого дыхание перехватило, а тело словно сковал паралич. Это был тот самый закат, который я видела во сне несколько часов назад! Я подскочила с места и подошла ближе, чтобы получше рассмотреть снимок. Никаких сомнений — это точно он.

В гостиную с тарелкой, доверху наполненной ароматным печеньем, вошла миссис Левис и застала меня за пристальным изучением фотографии. Улыбаясь, она поставила угощение на журнальный столик и подошла ближе.

— Это был самый красивый закат в моей жизни, — с теплотой в голосе тихо произнесла старушка. — Пожалуй, подобного зрелища я не встречала больше ни на одном берегу, а уж их я повидала достаточно. — Она продолжала счастливо улыбаться своим воспоминаниям.

Я в последний раз бросила взгляд на искрящуюся водную гладь и поспешила занять свое место, увлекая бабушку за собой:

— Пошли скорее за стол, а то чай остынет!

Мы принялись лакомиться выпечкой, но я никак не могла выкинуть из головы сон, который казался слишком реальным.

— А где находится этот пляж? — неожиданно для самой себя спросила я.

— В Кейп-Мей, штат Нью-Джерси. Мы ездили туда на годовщину свадьбы с Джеймсом, — грустно улыбнулась миссис Левис. У неё всегда становилось такое лицо, когда она вспоминала о любимом муже, покинувшем этот мир больше двадцати лет назад.

— Этой ночью мне приснилось именно это место. Тот самый закат... Я испытала невероятные ощущения: сердце замирало от красоты. А потом я проснулась и оказалась в нашей мерзкой ординаторской. Как бы мне хотелось наяву, а не в мире грез увидеть этот океан. Я бы хотела там жить.

Мне стало горько от мысли, что это так и останется несбыточной мечтой. Видимо, тоска слишком явно отразилась на моем лице, потому что миссис Левис посмотрела на меня с тем самым сочувствием, с каким обычно смотрят на несчастных бездомных детей.

— Да ладно тебе, не всем же жить на побережье. Кто-то должен оставаться и здесь, иначе клопы в моем матрасе умрут с голоду, — я попыталась разрядить обстановку глупой шуткой, лишь бы не видеть грусти в глазах этой милейшей женщины.

Бабушка глубоко задумалась, поднялась со своего места и молча скрылась в спальне. Она вернулась через минуту, держа в руках плотный сверток, и протянула его мне. Я недоуменно уставилась на него, не понимая, что это.

— Возьми. Это мой подарок на твоё двадцатипятилетие.

Я недоверчиво развернула бумагу и едва не выронила содержимое от шока. Внутри лежала внушительная пачка стодолларовых купюр. Я понятия не имела, откуда у одинокой старушки в полуразрушенном трейлерном парке такие деньги.

— Я не могу это взять! Немедленно заberi назад. Я сделаю вид, будто ничего не видела.

— Нет, это твоё. У меня никого нет, кроме тебя. Кому ещё я оставлю свои сбережения после кончины? Возьми их и уезжай. Здесь достаточно, чтобы добраться до Кейп-Мей и спокойно прожить несколько месяцев, не думая о работе. Просто насладись моментом и поживи немного ради себя. Это моё последнее желание, Миранда. Не обижай меня, возьми.

— Откуда у тебя столько денег? На них можно было купить отличный дом в черте города! Почему ты до сих пор остаешься в этой дыре?

Бабуля обиженно надула губы и возразила:

— Это не дыра, а мой дом. И мне здесь нравится, тут всё напоминает о Джеймсе. Я хочу провести отведенный мне остаток дней именно здесь, и это не обсуждается. А деньги я получила от страховой компании после смерти мужа. Он застраховал жизнь незадолго до того, как мы узнали о его неизлечимой болезни. Я не тратила их, берегла до нужного момента. И этот момент наступил.

Я ошарашено смотрела на неё. Неужели я всё ещё сплю на неудобном стуле за рабочим столом в больнице? Я даже ущипнула себя за щеку, чтобы убедиться в реальности происходящего:

— Я ведь не сплю?

Миссис Левис расхохоталась так звонко, что я вздрогнула. Она крепко обняла меня и прошептала на ухо:

— Милая, я мечтаю, чтобы ты прожила жизнь, о которой на старости лет не будешь сожалеть так, как я. — Она отстранилась и заглянула мне в глаза: — Я прожила яркую жизнь, у меня много счастливых воспоминаний, которые сейчас — единственное, что у меня осталось. И я ими богата. Будь у меня эта стопка бумаги, но не будь воспоминаний — я была бы нищей. Иметь деньги и не иметь за душой ничего, что согревает сердце, — это самая глубокая бедность, какую только можно вообразить. Пока ты молода, ты должна копить эти моменты! Живи для себя. Твоя мать сделала свой выбор, отнюдь не в свою пользу и, к сожалению, не в твою. Так почему ты должна жертвовать собой ради неё?

От её слов к глазам снова подкатили слезы. Короткая речь миссис Левис попала в самую большую, кровоточащую рану в моем сердце. Мне никто и никогда в жизни не говорил, что я имею право жить ради себя. Я даже самой себе не позволяла допустить подобную мысль, искренне считая, что рождена лишь для того, чтобы бесконечно «спасать» маму. Но как можно спасти человека, который этого не хочет и яростно сопротивляется? Это был риторический вопрос. Возможно, происходящее — знак судьбы? Может, мне действительно стоит ухватиться за этот шанс?

Я помотала головой, прогоняя наваждение. Как я могу забрать последние сбережения у старушки, которая даже не является мне кровной родственницей?

— Простите, бабуль, я не могу их взять. Спасибо тебе огромное. Я исполню твою волю и уеду, но на эту поездку я должна заработать самостоятельно. Это мой принцип.

— Нет! Если ты не уедешь сейчас, ты не уедешь отсюда никогда! Да и сколько ты будешь копить? Десять лет? Твоей зарплаты медсестры едва хватает на пропитание, о чем вообще речь? — не сдавалась миссис Левис.

— Я устроюсь на еще одну работу! Спать по восемь часов в сутки — непозволительная роскошь в наше время.

Бабуля с тоской покачала головой:

— Может, ты и соберешь нужную сумму через пару лет, но за это время твоя мать станет еще более беззащитной перед ним. Видя её в таком состоянии, ты точно не сможешь её бросить и останешься здесь навсегда.

Я хотела возразить, но вовремя осеклась, понимая, что она абсолютно права. Именно так всё и будет. Мне не избавиться от синдрома «спасателя» по щелчку пальцев, я не смогу переступить через маму, когда ей станет хуже. Глядя на пачку денег в морщинистых руках, я понимала, что прямо сейчас должна принять главнейшее решение в своей жизни: выбрать себя или сгнуть в этом трейлере вместе с матерью. Дай такой выбор любому другому человеку, он скажет, что ответ очевиден. Но только не для меня, которая ни дня не жила для себя.

Я глубоко вздохнула и произнесла осипшим голосом, потому что в горле застрял ком размером с планету:

— Это огромный шанс, но мне нужно подумать. Для начала мне необходимо вернуться домой и поспать. Хронический недосып — плохой помощник в принятии верных решений.

Наклонившись, я поцеловала бабулю в щеку и направилась к двери, но она окликнула меня у самого порога:

— Это твои деньги, Миранда. Возвращайся за ними, я сохраню их для тебя.

Глава 4

Миранда

Тихо приоткрыв скрипучую дверь нашего так называемого дома, я прислушалась к звукам. Внутри стояла тишина. Это был хороший знак: значит, у меня есть шанс незаметно пробраться в комнату и наконец-то лечь спать.

Зайдя в ванную, я быстро приняла душ, смывая с себя тяжесть этого бесконечного дня. Взглянув на собственное отражение в зеркале, я ужаснулась. Волосы, некогда яркого медного оттенка, потускнели и казались выцветшими, а синие глаза выглядели серыми и безжизненными. Аккуратный нос и пухлые губы, доставшиеся мне от мамы, всегда мне нравились, но с возрастом это сходство начало пугать. Я отчаянно не хотела быть на неё похожей, не хотела прожить такую же никчёмную и сломанную жизнь.

Посмотрев еще немного на незнакомку в зеркале, я натянула пижаму и выскользнула в коридор. На цыпочках прокралась в свою крошечную комнатку, размером едва ли превосходившую кладовую в нормальных домах. Здесь с трудом помещались односпальная кровать и маленький рабочий стол. Увидев постель, я почувствовала себя безмерно счастливой. Стоило голове коснуться подушки, как я мгновенно провалилась в небытие, о котором мечтала последние двое суток в больнице.

Увы, побыть в царстве Морфея мне удалось недолго. Меня разбудили яростные звуки борьбы и крики, доносившиеся из гостиной. Подскочив с кровати, я быстро стряхнула остатки сна и выбежала из комнаты.

В углу гостиной сжалась маленьким клубочком мама. Она закрывала голову руками, стараясь стать как можно незаметнее. Над ней возвышалась огромная фигура отца. На контрасте с хрупкой мамой он казался настоящим великаном. Неряшливый, с остатками растрёпанных волос на голове и безумными, нечеловеческими глазами. Я ненавидела этот взгляд. Его глаза были такими же синими, как у меня, но я наотрез отказывалась искать между нами хоть что-то общее.

Не раздумывая ни секунды, я бросилась вперед, заслоняя собой маму от этого монстра, которого она сама же и впустила. Я его не боялась. Это ничтожество не заслуживало того, чтобы я перед ним трепетала. Страх перед отцом покинул меня еще в детстве: видимо, детская психика вовремя поняла, что если я не защищу себя сама, то этого не сделает никто.

— Что тебе снова от неё нужно?! — закричала я ему в лицо с такой силой, что он от неожиданности растерялся и на миг отступил.

— Деньги! Мне нужны деньги! Эта сука говорит, что у неё ничего нет! Но я знаю, что она врёт! — снова заорал он, намеренно глядя на маму и полностью игнорируя мое присутствие.

— У неё действительно нет денег! Её уволили из-за постоянных больничных! Сейчас работаю только я, но даже не надейся, что я тебе хоть что-то дам.

— Ооо, какие мы смелые! Ты, неблагодарная маленькая тварь, забыла, кто тебя породил?! Кому ты обязана правом жить свою жалкую жизнь?!

Мне стало так смешно от этих пафосных заявлений, что я горько рассмеялась ему прямо в лицо:

— Поверь, точно не тебе. Ты ничего не получишь. Нужны деньги? Иди работай! Нечего вымогать последнее у своей забитой жены!

Он рассвирепел окончательно. С весьма угрожающим видом он ринулся в мою сторону. Я была уверена, что он вот-вот ударит меня кулаком. Пятясь назад, я принялась лихорадочно

осматриваться в поисках оружия. На глаза попалась пустая бутылка из-под дешевого алкоголя. Схватив её за горлышко, я занесла руку, целясь прямо в растрёпанную голову папаша.

Отец замахнулся для удара, а я уже приготовилась хорошенько приложить его стеклом, как вдруг между нами из ниоткуда выросла мама.

— Не надо, Миранда! Не бей его! — умоляюще застонала она, испуганно глядя мне в глаза.

Что?! Она сейчас защищала *его*? Эта глыба только что собиралась ударить её родную дочь кулаком по лицу, а она переживала, как бы я не сделала ему больно в ответ? Я буквально окоченела от шока, смотря немигающим взглядом на женщину, которая подарила мне жизнь.

— Насрать, я сам всё возьму! Мне надоело это представление! — рявкнул отец и рванул напрямик в мою комнату.

Он толкнул дверь с такой силой, что она едва не вылетела из петель. Схватив со стола мою сумку, он снова появился в гостиной. Перевернув её, он просто вытряхнул всё содержимое прямо на пол. По обшарпанному линолеуму рассыпалась всякая мелочь: резинка для волос, расческа, пара магазинных чеков, гигиеническая помада и старый кошелек. Схватив бумажник, отец нетерпеливо раскрыл его. Не обнаружив внутри наличных, он перевернул его и яростно потряс, словно это могло помочь, и из дырявых кармашков посыплются сотни баксов. Посмотрев на меня с откровенным разочарованием, он взвыл:

— Ты пашешь сутками, и твой кошелек пуст?! Здесь нет ни единого цента! Какого черта, Миранда?! Говори, где ты прячешь деньги?! — сосуды в его глазах полопались от ярости, сделав взгляд кровавым.

— Папуля, сейчас никто не носит наличные. Все хранят деньги на картах, — нарочито ласково, с издевкой проворковала я.

В его глазах проявилась дикая надежда. Он лихорадочно открыл потайной отсек, где обычно лежали карточки. Взгляд отца прояснился, когда он нащупал кусок пластика. Выбросив мой несчастный бумажник за ненадобностью, он направился к выходу. Помахивая добычей, улюлюкал бросил на прощание:

— Спасибо за приют, а теперь мне пора! Не поминайте лихом!

Чуть ли не вприпрыжку он покинул трейлер, оставив после себя привычный хаос. Я почувствовала дикое облегчение от того, что не поддавалась уговорам и не притащила в эту дыру сбережения миссис Левис. Можно сказать, отделалась малой кровью и парой оставшихся долларов на счету. Был бы Стив немного умнее, он догадался бы спросить пин-код, но интеллектом он никогда не блистал.

Я нагнулась и принялась собирать вещи обратно в сумку. Не поворачиваясь к матери, я тихо произнесла то, что никогда не смогла бы сказать, глядя ей в глаза:

— Я собираю вещи и ухожу. Мне надоело так жить. Я пыталась вытащить из этой дыры и себя, и тебя, но ты упорно цепляешься за дно. В критической ситуации ты выбираешь его, а не меня. Я сделала вывод, что во мне ты не нуждаешься. Не ищи меня, я уезжаю очень далеко. Спасибо, что родила и растила как могла. Пора мне наконец начать жить собственной жизнью.

Сморгнув слезы и так и не взглянув на маму, я зашла в комнату и плотно закрыла за собой дверь. Быстро вытащив из-под кровати дорожную сумку и рюкзак, я принялась закидывать туда самое необходимое. Я старалась ни о чём не думать, действуя на автомате, чтобы не передумать в последний момент.

Набив сумки вещами первой необходимости, я направилась к выходу, надеясь больше не столкнуться с матерью. Взявшись за дверную ручку, я всё-таки не выдержала и обернулась в последний раз. Пробежала взглядом по месту, которое много лет была вынуждена называть домом, пытаюсь отыскать в душе хоть каплю тоски, но не почувствовала ничего, кроме пустоты. Дверь в мамину спальню была закрыта. Возможно, она решила, что я просто беру её на слабо и вернусь через пару дней, а может, ей было уже глубоко безразлично.

Закрыв за собой дверь трейлера, я вдохнула полной грудью и зашагала по знакомому маршруту обратно к бабуле.

Я шла на автопилоте, а сквозь пелену слез в голове всплывали обрывки воспоминаний из детства. Я отчаянно пыталась отыскать среди них хоть один счастливый момент. Вот мне пять лет. Мама, как обычно, возвращалась очень поздно с третьей работы, но в этот раз я упорно не логла спать — ждала праздничный торт, который она обещала купить в честь моего дня рождения. Входная дверь тихо щелкнула, старый пол в прихожей заскрипел. Я подскочила с места, активно теребя сонные глаза, чтобы мамочка не догадалась, как сильно я хочу спать.

— Мама! Мамочка! — с радостным криком я подбежала к ней и крепко обняла за худые бедра.

— Дорогая, прости, я задержалась. Думала, ты давно спишь, — мама мягко погладила меня по растрёпанным волосам.

— Но ты ведь вернулась! Теперь мы можем съесть торт! — радостно заявила я, заглядывая ей в лицо.

Уставшие мамины глаза заметно погрузтели, а губы сжались в тонкую линию. Она мягко отстранила мои ручки и присела на корточки, чтобы оказаться на одном уровне со мной:

— Ох, малышка... Когда я шла с работы, все кондитерские уже были закрыты. Я не смогла купить торт.

Мама замолчала, внимательно наблюдая за моей реакцией. Ком размером с кулак мгновенно встал посреди горла, но я не подала виду, чтобы не расстраивать её еще сильнее. Мне было безумно жалко мамочку — она ведь так много работала, чтобы купить мне еды.

— Ничего, мамочка, я всё равно не люблю торт.

Это было чистой ложью. Наверное, именно с того самого дня и зародилась моя привычка ставить чужие чувства выше собственных и притворяться, будто всё в порядке. Делая вид, что мне хорошо, я чувствовала себя менее жалкой. Эта привычка осталась со мной по сей день. В тот день рождения я так и не поела торта, но мы разделили скромные пирожные из круглосуточного магазина за углом и распаковали подарок. Это была кукла — не та, которую я так долго просила, но тоже очень красивая. Мама тогда сказала, что нужную куклу раскупили, и ей пришлось выбрать эту. Только повзрослев, я поняла истинную причину: у мамы просто не было на неё денег.

Странно, но тот день до сих пор вспоминался мне как счастливый. Пусть всё прошло совсем не так, как я воображала, это не мешало мне бережно хранить в памяти мамину теплую улыбку и то, как внимательно она слушала мой возбужденный детский лепет. Мы никогда не знали роскоши, но в детстве это компенсировалось душевным теплом. Лишь с возрастом, начиная осознавать истинное положение вещей, я начала менять свое отношение к матери.

И вот теперь, неся в руках рюкзак со своими пожитками, я поймала себя на мысли, что уже безумно скучаю по ней. По той маме из детства, с её заботливыми руками и нежными объятиями. Я тряхнула головой, прогоняя наваждение и ускоряя шаг. Нет. Той мамы больше нет. Сейчас на её месте осталась сломленная, уставшая от жизни женщина, которая сама не знает, чего хочет. Мне было её жаль. Очень. Но прямо сейчас я обязана выбрать себя, как бы больно это ни было. Иначе еще через двадцать лет я обнаружу себя точно на её месте. А возможно, в куда более худшем положении.

Глава 5

Миранда

Миссис Левис, как обычно, встретила меня так, словно мы не виделись вечность, хотя я покинула её дом всего несколько часов назад. Мы пообедали восхитительным домашним рагу и принялись детально обсуждать мой дальнейший план.

— Мне нужно заехать в больницу и заявить об увольнении, — рассуждала я, разглаживая складки на скатерти. — Заодно заберу мою «старушку». Очень надеюсь, что она заведется и доедет своим ходом до мастерской Джо. В противном случае придется вызывать эвакуатор, — я невольно поморщилась, представив, в какую сумму мне это обойдется.

Бабуля воодушевленно рассказывала о живописных местах, в которые я просто обязана буду завернуть по пути в Нью-Джерси. Она без конца подбадривала меня, уверяя, что путешествие пройдет замечательно и я ни о чём не пожалею.

Вскоре на столе остались лишь чашки с недопитым чаем и плотная пачка денег ровно посередине. Мы пересчитали купюры — там было ровно десять тысяч долларов. Я смотрела на эту стопку так, словно она в любую секунду могла броситься на меня и укусить. Видит Бог, я ужасно не хотела брать эти сбережения, но жизнь просто не оставила мне выбора. Заглянув в добрые глаза миссис Левис, я твердо произнесла:

— Я беру их исключительно в долг. Обязательно устроюсь на новом месте, найду работу и верну тебе всё до единого цента.

— Хорошо-хорошо, — с хитрой улыбкой отмахнулась старушка. — Если тебе так легче их принять, пусть будет в долг. А теперь поезжай скорее, тебе еще нужно успеть отогнать машину в автосервис.

— Да, ты права, мне пора. Вечером вернусь уже на собственных колесах! — чмокнув бабулю в лоб, я направилась к выходу, но у самой двери внезапно помедлила.

— Бабуль... — неуверенно начала я, оборачиваясь. — Может, поедешь со мной? Тебе ведь так нравится то место. К тому же ты очень важный для меня человек, и я буду чувствовать жуткие угрызения совести, если брошу тебя здесь одну.

Миссис Левис грустно улыбнулась, подошла ко мне и ласково взяла за руки:

— Милая, я безмерно ценю твою заботу, спасибо за приглашение. Но я слишком стара для столь радикальных переездов. К тому же тебе будет гораздо проще обосноваться там без балласта в моем лице, который ты упорно начнешь тащить за собой. Главная цель твоего побега — наконец-то пожить для себя. Если мне станет слишком одиноко, я обязательно приеду в гости, как только ты обустроишься и твердо встанешь на ноги.

Поджав губы, я крепко прижала к себе женщину, которая долгие годы оставалась моей единственной тихой гаванью в бушующем океане жизни. Держа её в объятиях, я мысленно пообещала себе, что расшибусь в лепешку, заработаю достаточно денег, заберу бабулю к себе и обеспечу ей самую достойную старость.

Не став посвящать её в свои грандиозные планы, чтобы не выслушивать новую порцию возражений, я вышла на улицу и вызвала такси до своей «любимой» работы.

Спустя полчаса я уже стояла на парковке перед больницей, тщательно обдумывая, как именно объявлю о своем уходе. Возвращаться сюда я не планировала. А чтобы перестраховаться и сжечь все мосты, нужно было громко и окончательно оборвать связи с единственным местом в этом городе, где я могла бы работать по профессии.

Решительным шагом я направилась к главному входу. Еще утром я покидала это здание, чувствуя себя избитым, проигравшим щенком, а теперь заходила внутрь с гордо поднятой головой.

Возле стойки регистрации стояла Мэддисон и что-то лениво изучала в журнале. Подойдя вплотную, я заговорила прежде, чем она успела поднять на меня глаза:

— Я увольняюсь. Завтра на смену не выйду. Можете искать мне замену прямо сейчас.

Мэддисон округлила глаза от изумления так сильно, что я всерьез побоялась, как бы они не вылезли из орбит.

— С чего вдруг такая внезапность? Еще утром ты никуда не собиралась. Нашла место потеплее? Наверное, за ночь «любви» тебе платят в разы больше, чем за дежурство в больнице. Впрочем, я тебя не осуждаю за это решение, — она выплюнула эти слова с настолько ядовитой ухмылкой, что мне едва удалось подавить дикое желание съездить кулаком прямо по её длинному носу.

Лучезарно улыбнувшись и не проронив ни слова, я хладнокровно зашла в соседнюю дверь, где располагался процедурный кабинет. Схватив со стола чью-то приготовленную баночку с анализом мочи, я вернулась в коридор и с той же ангельской улыбкой выплеснула содержимое прямо в лицо Мэддисон, добавив:

— Желаю тебе счастливо сгнить в этой дыре, сука. — Я развернулась к выходу, но у дверей обернулась и с наслаждением добила: — Кстати, передай Лиззи, что вчера её ненаглядного доктора Джонсона видели на пороге гей-клуба. Хотя, возможно, с её роскошными усиками над верхней губой у неё всё еще остаются шансы? — Пожав плечами, я толкнула створку и вышла на свежий воздух.

Уже оказавшись на парковке, я услышала донесшийся из глубины коридора истошный визг Мэддисон:

— Тварь! Какая же ты тварь!

Это меня несказанно повеселило — надо же, как долго она отходила от шока. Быстрым шагом, едва ли не вприпрыжку, я подошла к своей «старушке» и запрыгнула на водительское сиденье. Легким движением руки провернула ключ в зажигании, и — о чудо! — машина завелась с первого раза. Включив музыку погромче, я вырулила с парковки и направилась в мастерскую Джо, чтобы как следует подлатать автомобиль перед долгим путешествием в новую жизнь.

Глава 6

Миранда

Спустя несколько часов я подъехала к дому бабули. Было уже достаточно поздно: ремонт машины занял гораздо больше времени, чем я рассчитывала. Несмотря на поздний час, свет в окнах всё еще работал — миссис Левис преданно меня дожидалась. Тихо зайдя в дом на случай, если бабуля задремала в кресле, я прокралась в гостиную. Я обнаружила её именно там, где и ожидала, — в уютном кресле. Старушка не спала, а увлеченно листала старые фотоальбомы.

Подойдя поближе, я нежно приобняла её за плечи и тихо спросила:

— Снова предаешься ностальгии?

Бабушка грустно улыбнулась и указала пальцем на один из черно-белых снимков:

— Я искала фотографию гостиницы, где ты сможешь остановиться, пока не найдешь себе постоянное жилье. Вот она. Уверена, там абсолютно ничего не изменилось. — В её голосе прозвучала легкая, щемящая тоска.

Я взглянула на карточку. На ней было запечатлено аккуратное двухэтажное здание в светлых тонах, буквально утопающее в зелени. Цветы пышными гроздьями свисали со стен и стройными рядами стояли в горшках вдоль фасада. Если бы фото было цветным, у меня наверняка зарябило бы в глазах от обилия красок. Над входом красовалась изящная вывеска: «Лилибет».

— «Лилибет»? Ты уверена, что она не закрылась? — с сомнением спросила я. Как-никак, с тех пор прошло больше сорока лет.

— Нет, точно работает, — с уверенностью отозвалась бабуля. — Эта гостиница — старый семейный бизнес, который переходит из поколения в поколение. Когда я была там в последний раз, ею заведовала моя близкая подруга. Мы с Джеймсом старались приезжать туда каждое лето и неизменно останавливались в одном и том же номере — двести четвертом.

— Ого. Это было вашей маленькой традицией?

Бабуля тихо рассмеялась каким-то своим мыслям, ведомым ей одной:

— Можно и так сказать. Но на самом деле, на мой скромный взгляд, это номер с самым потрясающим видом. Он угловой, и из каждого окна бескрайний океан виден как на ладони. Поэтому мы специально бронировали именно его.

— Всё ясно, пользовались дружбой с хозяйкой, чтобы любоваться лучшими пейзажами, — я искренне рассмеялась, представив, как молодая миссис Левис при каждом приезде шутиливо выселяет постояльцев из заветной комнаты.

— Можешь взять этот снимок с собой. Если вдруг заблудишься, просто покажи его местным жителям, и тебе сразу укажут дорогу. Уверена, в Кейп-Мей каждый знает это место.

— Но это же важное воспоминание для тебя, как я могу его забрать?

— Это место навсегда запечатлено глубоко в моей памяти, Миранда. При всём желании ты не сможешь его оттуда вычеркнуть, — она ласково погладила меня по голове, как делала в детстве, и поднялась с кресла. — Пора спать. Нужно встать пораньше, чтобы ты смогла выехать с первыми лучами солнца. Думаю, ты успеешь добраться за один световой день, если не будешь делать слишком долгих остановок в пути.

Я послушалась совета миссис Левис и принялась застилать себе диван в гостиной — обычно я всегда спала здесь, когда оставалась на ночь. Однако я долго ворочалась, не в силах сомкнуть глаз от гремучей смеси воодушевления и паники перед грядущей поездкой.

В итоге уснуть мне удалось, по ощущениям, часа за три до звонка будильника. Сон был беспокойным, и проснулась я абсолютно разбитой. «Нужно было вообще не ложиться», — раздраженно подумала я. Сонно оглядевшись по сторонам, я услышала, что на кухне уже вовсю

гремит посудой неугомонная бабушка. Быстро умывшись и переодевшись, я направилась к ней — проверить, что эта потрясающая женщина успела сотворить ни свет ни заря.

Завидев меня, миссис Левис оживилась еще сильнее и встретила меня лучезарной улыбкой:

— Ты уже на ногах? Выспалась перед долгой дорогой?

— Спала ужасно, если честно. Долго не могла отключить голову. А ты когда успела всё это наготовить? — удивленно выдохнула я, застыв в полнейшем шоке от количества еды на столе. — Что это такое, бабуль? Ты решила накормить половину штата?

— Я приготовила тебе перекусы в дорогу! Тут и сладкое, и соленое, и разные напитки. Я ведь не знаю, чего тебе захочется в пути. Всё упаковано так, чтобы ты могла есть одной рукой, не делая лишних остановок на трассе. И пожалуйста, Миранда, не останавливайся в безлюдных местах! Я недавно читала в газете, что на одиноких девушек в автопутешествиях часто охотятся маньяки. Я безумно за тебя беспокоюсь. Обещай, что доберешься благополучно.

— Это глупости, бабуль. Я умею за себя постоять, ты же знаешь. Жить под одной крышей с собственным отцом — тот еще аттракцион на выживание, так что меня сложно напугать.

Мои слова ничуть не успокоили миссис Левис, она продолжала смотреть на меня с немым беспокойством. Но я сделала максимально беззаботный вид, будто для меня это обычная поездка за город, хотя внутри всё сжималось от страха. Я ведь никогда в жизни не выезжала за пределы родного штата и смутно помнила что-либо, кроме нашего захудалого, серого городка.

— Давай по-быстрому позавтракаем, и мне пора выдвигаться. Солнце вот-вот взойдет.

— Да-да, конечно! Садись, я уже наливаю чай.

После завтрака, тщательных сборов и нескольких финальных проверок по списку, чтобы точно ничего не забыть, мы наконец стояли на пороге друг против друга. Обе усердно притворялись, что всё в порядке, хотя это было абсолютной ложью.

— Не изводи себя мыслями, я обещаю звонить каждые три часа! Прошу, береги себя и набирай меня в любой момент, даже просто так. Я всегда буду рада услышать твой голос. И если что-то случится — не вздумай утаивать! Я всё равно узнаю, и тебе мало не покажется. Поняла меня?

— Да-да, садись уже в машину, начинает светать, — она отчаянно пыталась скрыть подступающую боль за напускным, фальшивым раздражением, но я видела её насквозь.

Крепко прижав её к себе, я тихо произнесла слова, которые никогда раньше не решалась сказать вслух:

— Я люблю тебя. Ты самый дорогой и близкий для меня человек. Ты даже представить не можешь, как сильно я тебе благодарна за всё, что ты для меня сделала, хотя вовсе не была обязана. Прошу тебя, береги себя и обязательно дождись. Я скоро устроюсь, приеду и заберу тебя с собой. И мы поедem вместе жить на самый лучший берег в нашей жизни.

Мы обе с трудом сдерживали слезы, и чтобы не мучить друг друга затяжным прощанием, я поспешно скользнула за руль. Напоследок коротко посигналив, я плавно тронулась с места. Вот и всё. Дороги назад нет. Только вперед.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.